

Городские сообщества в кросс-национальной картине

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:**Лейкин Инна**Открытый университет Израиля
(43537, Израиль, Раанана,
Юниверсити-роуд, 1)✉ innale@openu.ac.il**Петрова Лариса Евгеньевна**Екатеринбургская академия современного искусства (620012, Россия,
Екатеринбург, ул. Культуры, 3)✉ petrova@eaca.ru**Ефремова Екатерина Алексеевна**Екатеринбургская академия современного искусства (620012, Россия,
Екатеринбург, ул. Культуры, 3)✉ trankusha1984@gmail.com**ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:**Лейкин И.Р., Петрова Л.Е., Ефремова Е.А.
Городские сообщества в кросс-национальной картине. Интервью // Муниципалитет: экономика и управление. 2021. № 4. С. 60–63.

Антропологическая оптика предполагает, что восприятие городского пространства обуславливается в первую очередь культурой. Екатеринбург – яркий нецентральный политический субъект, где у городского сообщества есть смысловой вес. Городской патриотизм, свойственный современному жителю мегаполиса, это переход с языка рационального рассуждения (права и обязанности по отношению к территории) на язык эмоций, привязанностей, по сути своей иррациональный. Язык любви к своей стране, к городу – новое, но глобальное явление.

Проявлять свою гражданственность – и к стране, и к городу, и к району – можно на ближайшем перекрестке, как это было недавно в Израиле. А пример города Провиденса в США показывает, что изменение инфраструктуры, строительство моста в прямом и переносном смысле обеспечивает мобильность и более высокий уровень человеческого капитала. До сих пор существующее разделение на центр и периферию – значимый фактор лояльности, формирования позитивных установок. Этот научный факт можно переводить в регистр практики, основывая на этом политику управления городской лояльностью.

Инна Лейкин, профессор кафедры социологии, политических наук и коммуникаций Открытого университета Израиля. Специализируется на исследовании вопросов демографической и антропологической проблематики русскоязычных мигрантов в израильском обществе.

Лариса Петрова: Инна, вы живете в Израиле, в Тель-Авиве. И вы – антрополог, то есть имеете такую специальность, которая в России практически отсутствует. Вы изучали опыт обустройства жизненного пространства и поведения людей не только в России и Израиле, но также и в США. Я прошу вас как антрополога вспомнить и поделиться собственным опытом проживания в разных городах и на разных континентах. В частности, как вы считаете, насколько большим или маленьким потенциалом с научной точки зрения обладает понятие «локальный» или «городской патриотизм». Как одинаково или как по-разному люди любят то место, в котором они живут? Обусловлено ли это культурно или это какой-то универсум? От чего это зависит?

Инна Лейкин: Вопрос многогранный. Культура обуславливает наше восприятие городской среды, отношение к тому месту, где мы живем. Это и есть то универсальное, которое определяет наше восприятие любого пространства, в котором мы приби-

ваем. Я думаю, что все любят свой город и свое место обитания. По-разному. Но любят его все, и, в частности, эта любовь проявляется через какие-то культурные формы, которые свойственны этому месту. Возьмем для примера Екатеринбург. Ему не занимать понимания важности городского социума, способного стать ярким политическим субъектом, у которого есть неожиданные сферы и формы влияния. Есть еще несколько таких крупных нецентральных городов в России, однако Екатеринбург среди них выделяется: здесь у городского сообщества есть смысловой вес.

Сама я большой патриот Тель-Авива. Это связано с моей любовью к определенной архитектуре, которая характеризует этот город, построенный как антитеза Иерусалиму. Однако я уехала из Тель-Авива, потому что там довольно сложно жить с семьей и детьми. И живу я в пригороде Тель-Авива – в Герцлии. Однажды пошла на почту, чтобы отправить посылку своей подруге в Англию. Там была жут-

ко длинная очередь, так как табло распределения клиентских потоков не работало. Случился бардак. И одна молодая женщина вслух пригрозила сегодня же позвонить и пожаловаться мэру. В этот момент я осознала, что в Тель-Авиве вряд ли бы твой сосед в очереди заявил о личном знакомстве с мэром. А в пригороде это в порядке вещей. Здесь социальное расстояние между гражданином и властью значительно меньше, хотя наша Герцлия и находится-то всего в 15 минутах езды от Тель-Авива. Еще пример. В Тель-Авиве, когда начиналась так называемая точечная застройка, жители заявили о своем протесте, о намерении обратиться к адвокатам и отстаивать свои права. Я думаю, что это весьма интересный пример того, что городские пространства создают разные формы интеракции с властью.

Л.П.: Действительно, патриотизм, как и любовь познается в сравнении. И масштаб, разумеется, очень важен в том числе потому, что инструменты могут быть более или менее эффективными: или это звонок мэру, или профессиональная протестная акция (она обезличена, она почти анонимна, но высоко эффективна по-своему). Это создает масштаб города. Формы разные, но любовь-то одинаковая... Как мы можем расширять объект своей

Открытый университет Израиля
(г. Тель-Авив)

городской любви? Это место, где я живу, мой район – точка страсти, или это, скажем, весь Тель-Авив?

И.Л.: Я думаю, что люди – существа сложноподчинённые и оперируют они на разных регистрах в зависимости от ситуации, в которой находятся. Этот вопрос можно задать с другой позиции: в какой момент мы начали артикулировать наше отношение к городскому пространству в терминах любви или ненависти, в терминах эмоционального языка? Этот вопрос меня крайне интересует как исследователя. В какой момент мы перешли от языка рационального (классический язык прав и обязанностей) на язык аффекта? Небольшой пример о так называемой «демократии по месту жительства»: вплоть до последних выборов, на протяжении двух лет в Израиле проходили массовые протестные демонстрации персонально про-

тив Беньямина Нетаньяху и его неадекватного стиля управления в условиях кризиса, вызванного пандемией. При этом были ограничения на массовые мероприятия из-за того же ковида. И тогда люди стали выходить на перекрестки, ближайšie к их дому, собираться небольшими группами по месту жительства. Им нельзя было отходить от дома более чем на километр, но они нашли мирный способ заявить о своем протесте и, кстати, язык этих демонстраций был крайне интересным. Девиз «My heart is broken» (англ. «Моё сердце поломано») можно перевести как «я болею любовью к стране, но мою страну разрушают». И вот этот переход от рационального языка к языку любви, чувств – это один из самых интересных социальных процессов, который происходит в последние десятилетия. И у него не локальный, а вполне глобальный масштаб.

гулярно водили хороводы вдоль берега – «обнимали». Это тоже эмоция, и активные екатеринбуржцы – мы могли себе это позволить. Хорошее отношение к человеку, к городу и любовь к нему – это разные уровни экспрессии, чувств. Интересно, что когда мы в ЕАСИ изучали этот вопрос, то не нашли в литературе примеров того, как люди ненавидят место пребывания и при этом в нем остаются. В этом случае они, как правило, голосуют билетами в один конец... В России любить город или регион проще, чем страну. А как это выглядит в других странах, где вы жили и работали, например, в США?

И.Л.: В Америке это связано с особенностями федеративной политики: многие вопросы регулируются на уровне законов штатов, а они сильно отличаются. Американцы шутят про те хасцев, мол, те воспринимают себя как совершенно автономное государство. В Израиле, безусловно, имеется известное соперничество между Тель-Авивом и Иерусалимом, есть патриоты этих крупных центральных городов. В Израиле, как и в России, разделение происходит по принципу «центр – периферия». Центральные районы богаче, периферия – гораздо беднее, и на этом строится отношение к пространству. Поскольку Израиль все-таки маленькая страна, то в одном предложении люди говорят о своем отношении к городу, к району, к государству и к премьер-министру. Все-таки, физическое расстояние влияет на дискурс отношения людей к разным уровням власти.

Л.П.: А можно ли быть лояльным к своему городу, к родному краю, но не быть лояльным к стране?

И.Л.: Вполне. Понятие «малой родины» существовало всегда и при всех режимах. В Советском Союзе тема локального патриотизма была очень акту-

Чувство патриотизма питает креативное мышление. Как показывает пример Израиля, если люди готовы протестовать, они будут это делать, несмотря на ограничения.

Л.П.: Существует целая серия фильмов о городах, которые снимаются коллективно разными режиссерами («Нью-Йорк, я люблю тебя», «Париж, я люблю тебя», «Гавана, я люблю тебя»). И это тоже про эмоции. Искусство может себе их позволить. А простой человек и тем более группа «простых людей»? Очевидно тоже. В Екатеринбурге есть примеры, которые интересны даже как языковой конструктор – «Обнимашки пруда». Горожане хотели сохранить пруд от застройки и ре-

альна и к тому же абсолютно институализирована. В каждой школе имелись краеведческие уголки, в городах были музеи, рассказывающие историю местности с древних времен. Потом был период, когда это пропало. Некоторые локальные музеи были возвращены РПЦ, в них появились храмы. И возникший вакуум стал заполняться процессами, идущими снизу. Люди сами стали объединяться вокруг родной местности. Патриотизм стал приобретать разные формы – от садоводства («Пробуйте – это наши яблоки, уральские») до масштабных культурных проектов, например, Уральской индустриальной биеннале. Эти процессы многогранны и, разумеется, в конце концов, они имеют общественно-политический характер.

Л.П.: На симпозиуме «Городской патриотизм: экономика, политика и культура локальных перемен» не раз говорили, что рост уровня лояльности жителей к городу дает экономический эффект. Есть ли в вашем опыте примеры, когда любовь жителей к городу зримо повлияла на его успешность?

И.Л.: Первый пример, который пришел мне в голову, это Провиденс – столица штата Род-Айленд, самого маленького в США. Я в этом штате училась. В XIX веке этот город был основной частью индустриальной революции, там работало очень много текстильных предприятий, мельниц, разных заводов. Весь этот регион в начале XX века претерпел несколько экономических кризисов. В результате Провиденс превратился в полупустынный город, разделенный автострадой: на одной ее стороне стоял университет, в котором учились очень богатые студенты, а на другой – так называемый *downtown*, бедные кварталы с процветающей мафией. В начале 80-х годов у

Вид на город Провиденс (штат Род-Айленд, США). В конце XX века был завершён проект по реконструкции, результатом которого стал Уотерплейс Парк – излюбленное место встречи горожан.

них появился мэр, который ликвидировал автостраду и соединил обе части города водным каналом. Город стал единым целым и это вдохнуло в него жизнь, воодушевило местных жителей. Произошла трансформация инфраструктуры в лучшую сторону, что привлекло в Провиденс множество креативных людей. Это разнообразило и укрепило экономику города, он стал жить намного лучше.

Л.П.: Насколько наша любовь к городу противоречит нашей мобильности? В советское время человек не был настолько

свободен, не имел столько ресурсов, чтобы реализовать свою свободу передвижения, поэтому мы жили по принципу «где родился – там и пригодился». Но сейчас иная ситуация. Я могу уехать, но я остаюсь. Это что-то иррациональное?

И.Л.: Очень хороший вопрос. Я думаю, это еще зависит от того, какой нарратив мы себе выбираем, чтобы объяснить, почему я остаюсь. Это происходит бессознательно и тесно связано с личными ценностями. В некоторых случаях это может быть «сознательная добровольная оседлость». ■